

ЧТО ЧИТАЮТ КОЛХОЗНИКИ

Любимый писатель—М. Горький

Когда-то поэт Некрасов мечтал о том времени, когда русский крестьянин будет читать Белинского и Гоголя.

Сейчас это время пришло. Колхозники под руководством партии, энергично участвуя в борьбе за построение бесклассового социалистического общества, неустанно повышают свой культурный уровень.

Одним из показателей культурного роста колхозников является возросший интерес к художественной литературе. При этом важно отметить, что этот интерес выражается не в огромной жажде колхозников познать окружающую их действительность.

Потому совершенно не случайно, что произведения советских писателей занимают доминирующее место среди книг, какие читают колхозники. Особенно большой спрос у колхозников на произведения основоположника социалистического реализма, великого «зачинателя» пролетарской литературы М. Горького.

Многие заведующие районными библиотеками, выезжающие изыскивать книги в районных библиотеках, рассказывают, что в них на полках расказов, драматических произведений и романов Горького найти нельзя, так как эти книги переходят из рук в руки читателей.

Исключительным авторитетом в колхозной деревне пользуются такие произведения Горького, как «Мои университеты», «Городок Огуров» и «Мать».

Почему Горький пользуется таким исключительным авторитетом в колхозной деревне?

На этот вопрос наиболее ярко ответил колхозник сельхозартели «Искра», Солдатовского района, Александров.

— Горького я люблю потому, что он без выкрутасов, просто, ясно рассказывает о правде жизни.

Интересны материалы и о том, что читают колхозники Озерской, Лыбчи-Лыбчинской, Тимского районов. Роман Шолохова «Поднятая целина» и «Бруски» Панферова имеют в колхозах огромную популярность.

«Поднятую целину» и «Бруски» только за 6 месяцев в Озерках прочли 85 колхозников. Бригады колхоза имени Ворошилова, прочли произведения Шолохова «Поднятая целина», сказал: «Когда я читал книгу, то перебрал мой, как живыми, прожитые все люди, каких опознавал» Шолохов. Ведь все, что он рассказывает в «Поднятой целине», близко и понятно нам.

Кроме произведений Горького, Панферова, Шолохова, колхозники Свердловского, Советского, Касторенского районов с большим интересом читают Гладкова, Невикова-Прибоя, Невикова, Ф. дева, Лебедянского.

Но круг литературных интересов колхозников не ограничивается только художественной прозой, многие из них внимательно следят за развитием поэзии.

Колхозник Гончаров (с.х. артели «Красный партизан», Белгородского района) только за 1934 год прочел «Трагедия ночи» Белинского, сборник стихов «Подполье» Прокофьева, «Думу про Олгана» Вагнерова, сборник стихов Жарова и поему Дорониной «Тракторный пахарь».

Большая часть в колхозной деревне из поэтов читают Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, Белинского, Жарова, Д. Бедного.

Колхозники сейчас не только пользуются книжными фондами библиотек, но стремятся сами покупать художественную литературу в магазинах ОГИЗ'а, выписывают ее прямо из издательства.

Колхозник с.х. артели «Большевик», Касторенского района, Гладков выписывает журнал «Октябрь», «Перелом» и очень часто приобретает художественную литературу в магазинах и киосках.

Художественная продукция писателей Западной Европы также проникает в колхозную деревню.

Если в Германии фамисты считают на кострах, «Зинну сказку» Генриха Гейне, то в СССР эти произведения читают миллионы трудящихся. Как только в библиотеку набы-читальни пришла изданная в этом году поэма Генриха Гейне, жаваня прочесть назвали десятки колхозников.

Читают Шекспира, Гете и Золя.

Така в знакомству с классическим наследством прошлого и художественными ценностями современной литературы среди колхозников огромная, но не все библиотеки работники направляют эту тягу в нужное русло, не всегда они организуют читателей.

В этой области многое еще необходимо сделать. Организация читательского актива, проведение конференций читателей, коллективный разбор художественных произведений—таковы ближайшие задачи, стоящие перед библиотеками и работниками.

Сейчас областное отделение ОГИЗ'а проводит подготовительную работу по организации политотделских книжных киосков и укрупнительных библиотечек колхозных бригад. Это в значительной мере уменьшит «книжный голод».

В. БУНДОВ.

Переправа с препятствиями

В полутора километрах от Ст. Оскара находится канатно-веревочная фабрика союзнго значения. Грузы с фабрики в город отправляются сружким путем за 18 километров. Это потому, что речушка, отделяющая фабрику от города, не имеет моста. Работники, перебираясь через нее по перекладинам, срываются в реку.

СУРНОВ.

ВЫНОСНЫЕ ТОПКИ С ЭКРАНОМ

Изобретение большой теплотехнической важности

В заводах и фабриках легкой и пищевой промышленности, особенно сахарной, кондитерской, и винокуренной, для производства требуется большое количество пара как для технологических целей, так и для приведения машин и механизмов в движение.

Однако очень часто мощность котельных этих заводов лимитируется их производственные возможности. Особенно это следует сказать о старых котельных, оборудованных жаротрубными котлами и в первую очередь котлами системы «Ферберна», получившими значительное распространение в годы перед мировой войной.

Недостатком этих котлов является то обстоятельство, что колосниковые решетки, на которых происходит сжигание топлива, расположены в жаровых трубах, ограничивающих размеры топки. Это ограничивает паропроизводительность котла и дает себя чувствовать, особенно при сжигании высококалорийного топлива.

В связи с бурно растущей потребностью народного хозяйства в минеральном топливе пищевой и легкой промышленности вынуждена была перейти на использование менее дорогих и менее ценных в теплотехническом отношении сортов—штыбистых антрацитов, содержащих много мелоча и угольной пыли.

Невозможность значительно увеличить размеры колосниковых решеток в жаровых трубах котлов и недостаточно калорийное топливо (штыбы) естественно начали вызывать в котельных с ограниченным количеством котлов и недостаточной поверхностью нагрева форсирование топок, встраивания в паропроводы, и как следствие, нехватку пара для машин и технологических целей. Вырос расход топлива и его потери в

Главный инженер
Сахаротреста
А. СЕЛЯТИЦКИЙ

плаках и уносе через дымовую трубу. Техническая мысль неустанно боролась с этими недостатками и искала выхода в устройстве выносных топков у котлов с жаровыми трубами, позволяющими увеличить площадь колосниковых решеток и размеры топков, а следовательно, и количество сжигаемого топлива, увеличив таким образом паропроизводительную мощность котлов.

Кардинальный выход не был найден до последнего времени и только сейчас, благодаря примененной профессором Комдаком (Киев) идеи экранирования выносных топков, все недостатки, о которых мы говорили, ликвидированы.

Идея экранирования не нова. Она возникла полтора—два десятилетия назад в связи с сжиганием в топках котлов пылевидного топлива, повышающего температуру топков до 1300°, благодаря чему футеровка топков из шамотного кирпича плавилась и разрушалась. Нужно было отнять и использовать лучистую теплоту, исходящую непосредственно от раскаленных сводов и стенок топки и терять в окружающее пространство. И вот в топках стали устраивать так называемые «экраны»—систему железных труб, проходящих или с боков у стенок или сверху под сводом топки. В этих трубах многократно и принудительно специальным насосом прогоняется вода, забираемая в топку и возвращаемая в верхнюю часть котла, которая поглощает лучистую теплоту и понижает температуру топки.

Удачное сочетание идеи экранирования и принудительной циркуляции воды котла, примененное профессором Комдаком в выносной топке у одного из котлов Ферберна в 196 квадратных метров на Кожанском сахарзаводе, дало совершенно неожиданные по своим размерам результаты. Состоявшееся в октябре испытание, проведенное авторитетной комиссией, показало, что паропроизводительность котла возросла в 2,6 раза против таковой при внутритрубной топке, расположенной в жаровой трубе, уменьшился расход топлива на единицу пара, сократились потери в плаках и уносах.

Такие результаты открывают перед заводами, у которых котельная является узким местом, широкие перспективы в развитии своих производственных возможностей без больших затрат на дополнительные и новые котлы. Так, например, благодаря солидному возрасту и износу котлов Ферберна в Таволжанском сахарзаводе, некоторые из них должны были быть заменены и заменены новыми, которые достать чрезвычайно трудно.

Сейчас с применением выносных топков профессора Комдака с экраном количество котлов может быть уменьшено вдвое и это разрешает тяжелое положение. С уменьшением котлов будут уменьшены затраты на ремонт, рабсилу и топливо.

Все это может быть применено на любом заводе, имеющем котлы с жаровыми трубами.

В настоящее время по поручению Главсахара разрабатываются научно-исследовательскими институтами проекты топков с экраном для котлов других систем: «Менно», «Вабкок» и другие.

Очерк Б. ПЕСКОВА

1

2

У входа в штольню они встретили цыгана. Его рабов желтовато-маслянистое лицо выглядело изнуренным и страшным. Глаза болезненно прищуривались. Обращаясь к десятнику, он пробормотал:

— Не желаю. Пускай умные поработают. Кому отдавать контингент?

Десятник стал уговаривать новичка.

— Там весь свет на палочках держится,—громко, нетерпеливо возразил цыган,—гражданин уважаемый, мне уходить надо скорее.

Видимо, цыган собрался потрудиться. Это не дело—заваливать огромные, грязные узлы на спину и плыть по земле куда глядят глаза. Лопаты у них перевелись. Мысль о труде все чаще и чаще приходила в голову. Но сейчас цыган налегав мрачностью шахт.

— А вы, ребята, не обращайтесь на него внимания,—сказал проводник.—Вы привыкните.

Емельянов и его товарищ согнулись под звездочкой-блоком. В штольню вошли гуськом, боязливо. Через несколько шагов стены и пол сразу исчезли. Казалось, развернулось черное, бесконечно большое непроходимое сукно. На земле никогда такой темноты не бывает.

— Ох, ты,—воздохнул кто-то из новичков.

Глухо. Тишины такой тоже не бывает на земле. Даже в ушах не звенит. Всем стало тягостно. Емельянов раза два крепко ударился о верхний. Удар отозвался в позвоночнике. «Кожа на голове зазудела. Новичек согнулся, ссутулился».

Очень далеко вперед закачались два огонька. Светлые точки прыгали минуты две и совсем пропали. Это прошли шахтеры.

«Цыган прав. Гиблое тут место»—со вздохом решил Емельянов.

Постепенно стало кое-что видно. Тени идущих людей прыгали по основному стейкам. В иных местах бревна стояли тесно прижавшись друг к другу, всем своим строем наклоняясь к потоку. Они были грязны, ободраны. Запахло лошадиным навозом и какой-то кислятиной. Потянуло холодным сквозняком.

— Берегись!—предупредил десятник. Емельянов наткнулся на что-то теплое и кистевое. Поднял лампочку. Из мрака вылезла печальная, молчаливая голова лошади. Покорный конек, словно оштыбший паровоз, стоял во главе длинного поезда вагонов.

«Как же тут лошадь не подохнет?»—искренне удивился Емельянов. От ходьбы в согнутом положении у него разболелась поясница.

«А если земля навалит,—тревожно размышлял он,—человек не червяк—не вылезет... Мало мне, дураку, на свете работы. Ишь понесло в какой погреб».

И он невольно стал прислушиваться, не трепать ли под давлением земли основные крепления—палочки, на которых здесь держится весь свет.

Подхватывая звенящей лопатой тяжелые жемчужины фосфорита, Емельянов срывался у вагончика:

— Бывает здесь, чтоб до смерти задавило?

Вагонщик поднял свою лампу на уровень лица новичка и насмешливо ответил:

— Бывает, а тебе что?

— Как же что?—удивился Емельянов.

Они нагнали вагонетки, сцепили их. Коногон весело засмеялся и лошади тронулась. В дороге от нечего делать вагонщик решил погугать новичка.

— Тут всяк свою жизнь страхует на тыщу, а то и более... вон обвалилась кровля на забойщика Елещу. Откопали, а он весь раздутый и черный. Баба его в самом деле тыщу получила».

Он артистически выдержал паузу и продолжал:

— В колхозе работать хорошо: птички летают и небо... — Убьет а часто убивают?—нервно перебил его Емельянов.

— Поработай,—небрежно ответил шахтер,—увидишь... Он не подозревал, что его зубоскальство равно осмысленному выступлению вата. Ведь вербующий и нередко сам директор ездят по колхозам, зовут людей на добычу, в шахты. Уж сколько месяцев завод ждет чудесную—ни с какими другими энергиями несравнимую—живую энергию человека.

На Шигровском фосфоритном очень мало рабочих—в этом главная беда завода.

3

«Уиду»—твердо решил Емельянов... Ни бежать из подземелья не удалось. В первую же смену десятник перевел новичков на другую лаву.

Здесь-то Емельянов и увидел забойщика и саночника. В узкой пещке—ни встать, ни лечь,—свернувшись калачиком, сидит забойщик. Там лампочка, воткнутая в породу, позволяет видеть только его силуэт. В этой страшной земляной коробочке дымят. Со всех сторон тупые влажные глыбы мела, а в середине, как начинка разрезанного пирога, платя фосфорита. Она гнело и солидно поблескивает едва заметными искрами. Вблизи друг от друга стоят легкие временные подпорки. Они приносят с собой из леса свежий запах сосны. На них смотрит шахтер с надеждой и опасением.

Чтобы размахнуться и хорошо ударить, забойщик нехватает пространства. Он стучит по плате мелко, легко, торжась выработать положенное число кубометров.

Лампочка должна питаться чистым бензином, но администрация решила сэкономить: с керосином мешает. В пещках густь бы фитили дымили, но забойщику в пещке тяжело дышать копыто. Он часто бросает кайло и поправляет фитиль.

В узком зверином проходе лежат маленькие рельсы. На четвереньках, подталкивая вперед себя тележку по рельсам, ползет из пещки другой человек. Вылез, выпрямился, опрокинул ящик с рудой к ногам Емельянова и опять в нору. Парень показывал головой. «Живут же и как работают»—подумал он.—Отчаянные люди».

Когда Емельянов нагнул вагончик, саночник еще раз вылез со своей тележкой. Емельянов решил заговорить:

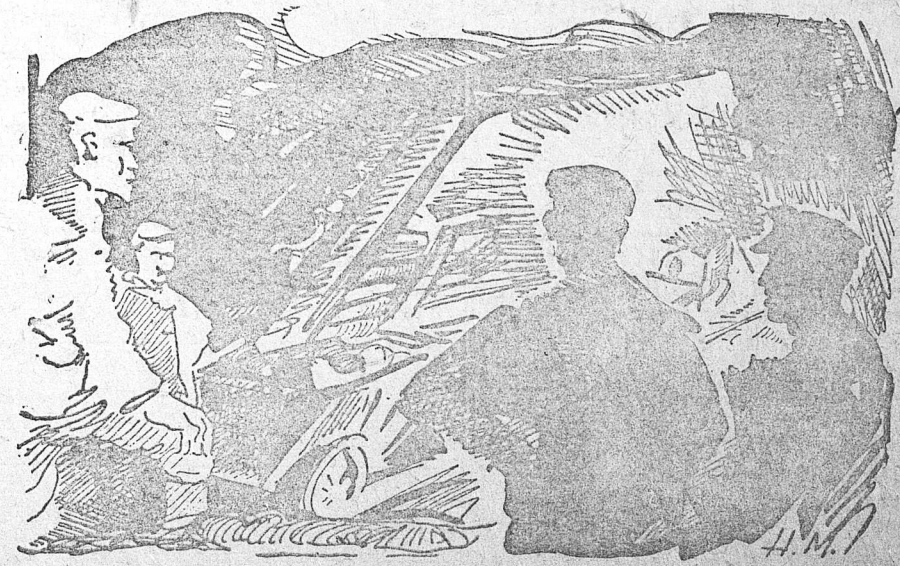
— Страсть-то какая,—показал он на переломанные пополам толстые сосновые верхники,—как палочки хрипнули... В этом месте особенно было страшно. Все же торчали переломы. Глыбы мела и глины высовывались из крепления.

— Какая же страсть?—удивился саночник.—Я вот баба, а работаю не боюсь.

— Баба? Буда брехать,—недоверчиво усмехнулся новичек.

— Тебе что-ж по-ка-за-ть прикажешь.—И саночник звякнул и озорно рассмеялся.

Рис. Мальцева.

В шахте...

Емельянов поднял лампочку к лицу незнакомца.

— Похоже, что баба,—пробормотал он.—Как это ты, Любаша, тут маешься?

— Ты насчет Любаши осторожней. У меня муж в этой пещке сидит долбит».

— Завалит, так обоих сразу,—догадался Емельянов,—чтоб не обидно было. Здорово придумали.

— Дурак,—тихо сказала шахтерка, ставя ящик тележки на колеса,—у нас трое детей... Все в школу ходят.

Она опустила на колени, готовясь уползти к мужу в пещку. Куртка, заправленная в узкие брезентовые штаны, туго обтягивает ее худенькую фигуру. На ногах брезентовые чулки домашнего изготовления.

— Привыкай,—отрывисто бросила она Емельянову и, толкнув по рельсам тележку, ловко юркнула за ней в нору.

Емельянову стало как-то теплей, покойней. С храбрыми людьми легче переносить опасность.

Когда кончилась смена, он пошел на гора (к выходу из шахты) вместе с мужем и женой.

Молча повернули из штреха на главную штольню и вдруг—похоже, будто в зрительном зале из окошка киномеханика—блеснул фантастический огонь волевой дуги. Это далеко, в перспективе, в открытый квадратик штольни заглядывал обыкновенный день. Если бы Емельянов не стыдился людей, он побегал бы к выходу, как ребенок.

4

На другой день утром, собираясь в шахты, супруги Горбовы решили зайти за Емельяновым. Они слишком ясно видели колебания новичка. В самом деле, шахтеры застали его за укладыванием своих пожитков.

— Ты куда?—спросила саночница.

Парень вдруг заколебавшись. Его застали врасплох.

— Пойдем в шахту,—удлибулся забойщик,—получишь спеловку, во вкус войдешь.

— А домой поедешь—девки засмеют,—добавила саночница.—Ты в колхозе?

— Я—колхозник...—нерешительно проговорил Емельянов. И стал закручивать на палец веревку, которой собирался перевязать сундучек.

Пауза. Емельянов не знал, как оправдаться. Шахтеры замолчали, подбирая наиболее убедительные слова.

Они стояли перед ним в рваных одеждах, с ног до головы измазанные мелом.

— Вечером заходи к нам. Будем вместе чай пить,—наконец сказала она.

— Верно!—обрадовался муж ее находчивости.

Емельянов крикнул. Будто бы он на базаре покупал корову, долго торговался и, наконец, согласился. Он захлопнул сундучек и двинулся ногой под койку. Ему было немножко стыдно. Все трое засмеялись.

С порога барака видна фосфоритная мельница. Она еще не пылит. За ее башнями, густо обсыпанными легкой удобной пылью, в красках осеви лежит село Шигорички.

В заводском поселке по краям тротуаров зацементированы в холоде белые, розовые астры.

У проходной Емельянов увидел вчерашнего цыгана. Цыган заглядывал в ворота, быстро, по-цыгански крутил головой. Видно он что-то собирался спросить у рабочих.

— Ты еще не решился,—крикнул ему Емельянов и махнул рукой,—а я пошел...